

Татьяна И. Вендина*

Институт Славяноведения РАН
Москва

Личные черты человека в зеркале «Общеславянского лингвистического атласа»

Тема «человека» в языке и культуре в последнее время является, пожалуй, наиболее актуальной. В лингвистической и этнографической литературе появилось множество работ, посвященных этой теме (обзор их см. в Толстая 2018: 7). Среди них особое место занимает *Общеславянский лингвистический атлас*, в котором реализации этой темы посвящено несколько томов (см., например, т. 9 *Человек* (Kraków 2009), т. 8 *Профессии и общественная жизнь* (Warszawa 2003), т. 10 *Народные обычаи* (Москва 2015), т. 12 *Личные черты человека* (Москва 2020)).

Как известно, *Общеславянский лингвистический атлас* имеет, прежде всего, сравнительно-историческую направленность, поскольку «в основе его лежит генетический принцип установления диахронического тождества слов и морфем, реконструируемых для позднего праславянского периода». Сравнение славянских языков и диалектов с учетом закономерных фонемных и морфемных соответствий должно иметь своим итогом в будущем реконструкцию той языковой модели, с преобразованием которой связано существование семьи славянских языков. Кроме сравнительно-исторической, Атлас имеет и синхронно-типологическую направленность, и эта типологи-

* Tatjana I. Vendina, Professor, Russian Academy of Sciences, Institute of Slavic Studies, Moscow, Russia.

ORCID: 0000-0001-7752-6615.

e-mail: vendit@rambler.ru.

ческая проблематика Атласа имеет не меньшую ценность для изучения истории славянских языков и динамики их развития.

Однако ценность Атласа этим не исчерпывается, поскольку его материалы имеют еще одну чрезвычайно важную ценность – культурно-историческую. Атлас может служить важным источником собственно этнолингвистической информации.

В отличие от большинства работ, посвященных теме «человека», которые имеют часто атомарный характер (как в плане отражения отдельных аспектов этой обширной темы, так и с точки зрения лингвистической географии), материалы Атласа позволили раздвинуть рамки исследования этой темы и выйти в культурно-языковую диалектологию, имеющую своей целью реконструкцию «живой старины» славян.

«Подобно тому, как славянская диалектология в современных условиях не может обойтись без лингвистической географии, – писал Н. И. Толстой, – этнолингвистика, фольклористика и этнография нуждаются в активном развитии такой автономной дисциплины, как культурологическая география» (Толстой 1995: 15) и добавим культурная антропология как комплексная наука о человеке, его отношении к природе, обществу и самому себе.

И хотя славистика пока не может отметить серьезных достижений в этой области знания, однако, благодаря *Общеславянскому лингвистическому атласу* она может реконструировать «богатый и красочный культурный ландшафт славянского традиционного быта». Это особенно актуально сегодня, когда лингвистика перешла на новую, антропоцентрическую парадигму исследования, в соответствии с которой в центре внимания ученых все чаще оказывается триада *язык – культура – человеческая личность*.

Исходный тезис антропоцентрической лингвистики заключается в том, что язык есть конститутивное свойство человека. В формулировке Э. Бенвениста этот тезис гласит: «Невозможно вообразить человека без языка и изобретающего себе язык... В мире существует только человек с языком, человек, говорящий с другим человеком, и язык, таким образом, необходимо принадлежит самому определению человека» (Бенвенист 1974: 293).

В соответствии с идеями Э. Бенвениста, высшим уровнем языка в самой широкой его семиотической трактовке следует признать культуру, которая в основе своей так же семиотична, как и язык, поэтому без привлечения культуры язык не может быть осмыслен глубоко и полно. И хотя эта культурологическая информация существует на картах Атласа чаще всего в латентном, непроявленном состоянии, а потому нуждается в своей экспликации, однако извлечь ее можно с помощью методов лингвистического и лингвогеографического анализа. Картографирование в этом случае имеет уже не просто иллюстративную функцию, а становится важной теоретической составляющей сравнительно-исторического языкознания, лингвогеографии и этнолингвистики в целом.

Иллюстрацией культурно-языковой диалектологии, позволяющей реконструировать «живую старину» славян, могут служить карты очередного тома Атласа *Личные черты человека*.

Карты этого тома охватывают следующие сюжеты:

I. Названия человека, характеризующие его как существо физическое:

I.1. Сюда входят названия человека по его внешнему виду, наследственным признакам, в частности, такие вопросы «Программы» Атласа, как: L 1989 ‘лысый’ (о человеке), L 1901 ‘кудрявый’, L 1902 ‘рыжий’, F 1905 нѣтъ(-жь), Sl 1907 ‘слепой человек’, L 1908 ‘косоглазый, с косыми глазами’ (о человеке), Sl 1915 ‘горбатый человек’, Sl 1918 ‘человек с большим животом’, Sl 1921 ‘толстый человек’, Sl 1924 ‘худой человек’, Sl 1925 ‘жилистый’, Sl 1926 ‘человек с большой головой’, Sl 1928 ‘человек с большой бородой’, Sl 1930 ‘человек с большими усами’, L 1931 ‘красивый’, в том числе названия, отражающие состояние здоровья человека, его физические особенности, например, вопросы L 1933 ‘сильный, обладающий физической силой’ (о человеке), Sl 1911 ‘глухой человек’, L 1916 ‘хромой’, L 1912 ‘левша’; кроме того, некоторые соматические названия, например, вопросы F 1913 gъrba/gъrбъ, L 1903 ‘веснушки’;

I. 2. Названия, отражающие склонности и привычки человека, обусловленные его психофизиологическими особенностями, воспитанием, в частности, вопросы Sl 1955 ‘плаксивый, часто плачущий’ (о ребенке), Sl 1990 ‘человек, который много спит’, Sl 1991 ‘человек, который очень много ест’, Sl 1992 ‘человек, который любит вкусно поесть’, Sl 1993 ‘человек, который любит пить водку, пьяница’, Sl 1965 ‘пугливый’;

II. Названия человека, характеризующие его как личность социальную: сюда входят названия человека по его отношению к труду, собственности, например, L 1987 ‘охотно и хорошо работающий’ (о человеке), L 1988 ‘ленивый, не любящий работать’, L 1989 ‘ленивый человек’, L 1938 ‘скупой’;

III. Названия человека, характеризующие его как личность духовную, отражающие его умственные способности, особенности речевой деятельности, например, LSl 1935 ‘глупый человек, дурак’, L 1974 ‘заикается’, а также особенности поведения, характеризующие отношение человека к себе, окружающим и моральным нормам Sl 1976° ‘хвастун’, Sl 1979 ‘лжет, говорит неправду’, LSl ‘человек, который лжет’, Sl 1985 ‘женщина, которая лжет’, Sl 1985 ‘женщина, которая любит сплетничать’.

Уже из этого перечня карт видно, что человек как субъект деятельности и носитель сознания отражен в этом томе Атласа в разных своих «ипостасях», а именно – как организм и как личность. Человек как организм (или «природный человек») предстает в виде совокупности его телесных

и материальных свойств, генетически унаследованных от родителей и претерпевших лишь некоторые изменения в процессе своей жизненной эволюции. Человек как личность рассматривается как социокультурный индивид, как субъект – носитель сознания и самосознания. Эта группа имен описывает, с одной стороны, психологические особенности человека, определяющие его индивидуальность (в единстве эмоционального и интеллектуального начала), а с другой – социальные, указывающие на его социальную роль и опыт деятельности в обществе.

Следует отметить, что большая часть карт тома представляет «природного» человека». Однако эти карты демонстрируют сравнительно низкую лингвокреативную активность диалектов, что само по себе указывает на то, что чувственная, физическая природа человека не представляет особого интереса для языка традиционной культуры славян. Не случайно именно на этих картах представлено больше всего лексем, имеющих общеславянский характер распространения (это такие лексемы, как *něm-Ъ* карта F 1905 *něťь* (-jь), *slěp-Ъ* карта F 1906 *slěрь* (-jь), *xrom-Ъ* карта L 1916 'хромой' (о человеке), *glux-Ъ* карта Sl 1911° 'глухой человек').

В качестве примера можно привести карту Sl 1928 'человек с большой бородой'. На этой карте представлены лексемы лишь с одним корнем *bord-* и только в чешских диалектах отмечена эксклюзивная лексема *//qs-ač-b¹*. И хотя диалектная дифференциация происходит за счет словообразовательных средств (ср., например, эксклюзивные словообразовательные модели: укр. *bord-aj-ь*, *bord-ěj-ь*, *bord-an-ь*, мак. *bord-yl-o*, плс. *bord-al-j-a*, рус. *bord-ast-Ъ*), однако это дела не меняет.

Если использовать такой лингвистический критерий, как количество словесных репрезентаций на единицу смысла, то нетрудно заметить, что самая высокая степень лексической загруженности наблюдается на таких картах, как Sl 1918 'человек с большим животом', Sl 1991 'человек, который очень много ест', Sl 1992 'человек, который любит вкусно поесть', LSl 1935 'глупый человек, дурак', Sl 1985 'женщина, которая любит сплетничать', L 1989 'ленивый человек' (на них зафиксировано более двухсот наименований, для сравнения можно привести карту F 1905 *něťь* (-jь), где представлено всего 47 лексем).

При этом в языках, принадлежащих разным языковым группам, семантическая плотность карт варьируется. Так, например, в южнославянских языках среди карт, посвященных «природному» человеку, самыми лексически загруженными являются карты L 1901 'кудрявый', L 1908 'косоглазый, с косыми

¹ Примеры приводятся в морфонологической транскрипции, принятой в ОЛА. Морфонологическая транскрипция позволяет обобщить фонетические записи, сделанные в полевых условиях в том или ином диалекте, с целью их прямого сопоставления с другими славянскими диалектами.

глазами' (о человеке), SI 1918 'человек с большим животом' и L 1902 'рыжий'; в западнославянских языках – карты L 1912 'левша' и SI 1918 'человек с большим животом'; в восточнославянских – карты SI 1921 'толстый человек' и SI 1918 'человек с большим животом'.

Среди карт, посвященных названиям, отражающим склонности и привычки человека, обусловленные его психофизиологическими особенностями и воспитанием, в восточно- и южнославянских языках самыми яркими по своей насыщенности являются карты SI 1991 'человек, который очень много ест', SI 1992 'человек, который любит вкусно поесть'; а в западнославянских, кроме этих двух карт, выделяется карта SI 1955 'плаксивый, часто плачущий' (о ребенке).

Разная дистрибуция смыслов прослеживается и на картах, посвященных названию человека как личности социальной и духовной. В южнославянских языках наибольшая лексическая загруженность отмечена на картах L 1989 'ленивый человек' и LSI 1935 'глупый человек, дурак'; в западнославянских языках – на картах L 1989 'ленивый человек' и SI 1976 'хвостун'; в восточнославянских – на картах L 1987 'охотно и хорошо работающий' (о человеке) и SI 1935 'глупый человек, дурак'.

Различия наблюдаются и в лингвистической креативности славянских диалектов, ярко проявляющейся в лексико-словообразовательной вариативности. Так, в частности, в южнославянских языках выделяются болгарские диалекты, демонстрирующие самую высокую степень лингвистической креативности, поскольку их отличает ярко выраженная лексико-словообразовательная вариативность, наблюдающаяся практически на каждой карте тома (исключением являются лишь некоторые карты, в частности, L 1901 'кудрявый', L 1902 'рыжий' и L 1987 'охотно и хорошо работающий' (о человеке), где по этому признаку выделяются хорватские диалекты; карты SI 1955 'плаксивый, часто плачущий' (о ребенке), SI 1965 'пугливый', L 1989 'ленивый человек' и LSI 1935 'глупый человек, дурак', выделяющие словенские диалекты, а также карты SI 1993 'человек, который любит пить водку, пьяница' и LSI 'человек, который лжет', выделяющие сербские и македонские диалекты).

В западнославянских языках такой лингвистической креативностью обладают польские диалекты, которые благодаря повышенной лексико-словообразовательной вариативности выделяются на всем пространстве западной Славии.

В восточнославянских языках ситуация неоднозначная, так как такой лингвистической креативностью обладают как русские, так и украинские диалекты, хотя в русских диалектах она выражена сильнее.

В связи с этим возникает вопрос, с чем связана такая диалектная дифференциация в пределах terra Slavia, почему именно эти признаки характеризуются такой лексической плотностью и вариативностью, порождающей

своеобразные «участки языкового напряжения»? Какой логикой руководствовались языки при отборе именно этих признаков в качестве ведущих?

Думается, что ответ на этот вопрос следует искать в языке их традиционной культуры, в котором действует принцип разной культурной разработанности частных смыслов. В соответствии с этим принципом одни участки семантической системы языка оказываются детально проработанными в языковом плане, другие – довольно поверхностно, а на третьих вообще обнаруживаются лакуны. Это объясняется тем, что чем важнее для человека понятие, тем шире и глубже языковое пространство, раскрывающее его, поскольку «смысл никогда не ограничивается “пространством” одного слова, даже если оно носитель этого смысла по преимуществу» (Топоров 1992: 16). Действие принципа разной культурной разработанности частных смыслов и позволяет понять тончайшие нюансы глубинных смыслов языка культуры. Кроме того, система языка – это социально детерминированная система, и этическое является ее конституирующим элементом. Номинативная логика названий человека, атрибутирующих те или иные его качества и свойства, свидетельствует не только об их социальной значимости, но и проливает свет на их моральную оценку общественным мнением. Поэтому при отборе тех или иных признаков для их семантизации учитывается принцип их этической значимости, который, естественно, в разных культурах варьируется. Отсюда следует, что разная лексическая плотность карт свидетельствует о разной культурной социализации человека в тех или иных диалектах, которая и привела к их дифференциации.

Чтобы понять ту логику, которая лежит в основе этой «наивной социологии», нужно найти «участки языкового напряжения», в которых наблюдается повышенная дублетность языковых форм, свидетельствующая о своеобразных «сгустках» языкового смысла, поскольку эта лексическая дублетность мотивирована не только функционально, но и культурологически.

Доказательством этого предположения является тот факт, что конфигурация этих смыслов, степень их лексической детализации по диалектам варьируется (ср., например, разную дистрибуцию частотных смыслов при номинации человека как личности):

СЛН.

‘глупый человек’: не-ум-ьн-Ъ, тер-ьс-ь, торр-ь, торр-а, торр-аст-Ъ, (nor)-Ъ, (nor)-ак-ь, (nor)-ьс-ь, (bed)-ак-ь, рег-прост-Ъ, осыл-ь, čuk-аст-Ъ, pri-smqđ-a, jъz-mqt-j-en-Ъ, bož-ev-ьс-ь, but-ьл-ь, but-аст-Ъ, бък-ь, trqt-ь, nēm-ак-ь, pri-[xvъgk]-n=en-ь, [dond]-ьк-ь, (šlevd)-ь (от нем. диал. *schlēw* ‘медленный, слабый’), (štupit)-Ъ (из фриул. *stupit* ‘глупый’), (mat)-аст-Ъ (из фиул. *mat* ‘безумный’, ит. *matto* ‘то же’), (šempj)-о (из ит. *scempio* ‘дурак’);

‘скупой, чрезмерно бережливый’: sKQp-*B*, tvьrd-*B*, (voxr)-ьп-*B*, (voxr)-ьск-*B*, skQp-ух-ъ, skQp-ух-ast-*B*, съ-tisk-N-en-*B*, Skrip-av-*B*, [cvit]-av-*B*, (avar)-ъ (из фриул. *avâr* ‘жадный’), (gajtik)-ъ (из нем.диал. *geitik*, бав. *geitig*), (gajteš)-ьп-*B* (от нем. диал. *geitik*, бав. *geitig*), (klug)-ъ (из нем. *klug* ‘умный’);

хрв.

‘глупый человек’: glup-an-ъ, lud-ъ, (nor)-ьс-ъ, (bed)-ак-ъ, (bedav)-*B*, ne-veгm-en-ьп-*B*, ler-ух-ъ, tјudj-ьк-ъ, [xlep]-ащ-ъ, (samar)-ъ (из венг. *szamár* ‘осел, ишак’), (sord)-ast-*B* (от ит. *sordo* ‘глухой; тупой’), (xor)-m=-ак-ъ (от греч. *χорός* ‘круг’);

‘охотно и хорошо работающий’ (о человеке): rad-ьп-*B*, rad-in-*B*, rad-iš-ьп-*B*, rad-ьl-iv-*B*, rad-ov-ьп-*B*, dë-l-av-ьп-*B*, mar-ьl-iv-*B*, (veгd)-ьп-*B*, žest-ok-*B*, val-ь=at-*B*, ро-сьl-en-*B*, съ-lož-en-*B*, skьrb-ьп-*B*, (fatijatun)-*B* (из ит. *faticatone* ‘уставший от работы’ < *fatica*, *fatiga* ‘труд, мука’);

срб.

‘глупый человек’: gLup-*B*, glup-an-ъ, glup-ак-ъ, glup-Av-*B*, glup-av-ьк-о, prosT-*B*, (budal)-a, glup-(ащ)-ъ (из греч. -άκης), glup-on-ь=а, lud-an-ъ, съ-męt-en-ь=ак-ъ, šul-on-j-a;

‘женщина, которая любит сплетничать’: plet-ьк-uš-a, съ-plet-ьк-uš-a, съ-plet-ьк-aš-ic-a, съ-plet-ьк-ar-a, съ-vad-j-al-ic-a, съ-vad-j-a-(ži)-j-a, mqt-ьп-ic-a, съ-mqt-ьп-ic-a, lъž-av-ic-a, let-er-ьк-a, kгьv-o-męt-ьп-ic-a, ul-ič-ar-ьк-a, ob-gov-ar-aщ-a, (sokač)-ar-a (от тур. *sokak* ‘улица’), (abr)-o-noš-a (из тур. *haber* ‘новость’);

мак.

‘ленивый человек’: lëп-ьšć-in-a, lëп-ьl-o, lëп-ьl-iv-*B*, lëg-aщ-ъ, мьгз-ьl-o, мьгZ-ьl-iv-*B*, мьгз-ьl-iv-ьк-о, мьгz-ęt-in-a, (ajnaži), (ajnaži)-j-a, (ajlak)-ъ, (dembel)-ъ, (kјorek)-ъ (из тур. *köpek* ‘собака’), (leš)-ъ (из перс. *läš* ‘туша’ через тур. leş ‘зловонный’);

‘женщина, которая любит сплетничать’: kleV-et-ьп-ic-a, (kodoš)-ьк-a, (muzafir)-ьк-a, (kodoš)-ьп-ic-a, мёš-al-en-ьк-a, pгd-ot-ьк-a, peг-nos-aщ-ьк-a, dup-aщ-ьк-a, dup-en-ič-ьк-a, reš-et-ar-ьк-a, (kavgaž)-ik-a (от тур. *kavgacı* ‘тот, кто любит ссориться, ругаться’), (manafak)-ьč-ik-a (от тур. *munafik* ‘лицемер’), (čašit)-ьк-a, (širit)-ьl-iv-A;

блг.

‘ленивый человек’: lëп-ьl-ь=о, lëп-ьт-ь=о, lëп-ьт-ь=ag-a, lëп-ьč-о, lež-ьl-ь=-ак-ъ, lež-aщ-ъ, lež-ьj-ак-ъ, lež-e-val-ьп-ik-ъ, мьгз-ьl-ь=о, мьгz-el-an-ъ, мьгz-el-ь=-ан-ъ, мьгZ-ьl-iv-*B*, мьгz-El-iv-*B*, мьгz-el-an-ьк-о, мьгz-el-iv-ьс-ъ, мьгz-el-iv-ьк-о, мьгz-el-ь=-ак-ъ, (kalpazan)-in-ъ, (muxljuz)-in-ъ, (ajnaži)-j-a, (ajlak)-ъ, ne-orb-ot-ьп-ič-in-a, (dembel)-in-ъ, pro-pad-l-j-a,

(tr̥ntur)-ъ (из рум. *trîntor* ‘борьба’), (xajlaz)-in-ъ (от тур. *haylaz* ‘неполослушный’);

‘хвастун’: xval-ьк-о, xval-/(ži)-j-a, xVal-ьб-А-(ži)-j-a, xval-I-рьд-ыл-ь=о, xval-ič-ь, ро-xval-ič-ь, xval-ьб-ič-ь, xval-ьс-ь, ро-xVal-ьс-ь, xval-ač-ь, xval-I-рьс-ьк-о, xval-I-рьс-ыл-ь=о, ро-xval-i-gqz-ъ, xval-i-gqz-ic-a, ро-xval-i-gqz-ic-a, sam-o-xval-ьк-о, xval-ič-ьк-о, xVal-ь=о-рьд-ъ, xval-ь=о-рьд-ъ=оv-ьс-ь, xval-i-[tr̥s]-ьк-о, [fuk]-ыл-j-о, [fuk]-ыл-j-a, [tr̥tr̥]-am-ъ, (žambaz)-ъ из тур. *cambaz* ‘шарлатан’ (< перс. *ğān bāz*), (f̥los)-ъ из рум. *flis* (< слав. *xval-*), (kuraš)-(li)-j-a от рум. *curaj* ‘мужество’ (< фр. *courage* ‘храбрость’);

чеш.

‘ленивый человек’: l̥n-ox-ъ, l̥n-ь=ox-ъ, съ-gni-l-ox-ъ, съ-gni-l-ak-ъ, съ-gni-l-on-ъ, (lajd)-ak-ъ, peč-i-val-ъ, j̥z-d̥x-l-in-a, j̥z-d̥x-l-on-ъ, [flak]-ač-ъ, (liml)-ъ (из нем. *Lümmel* ‘деревенщина’);

‘хвастун’: xval-I-dup-a, Xvast-un-ъ, хьb-ič-ъ, ву-teg-a, xval-on-ъ, u-xval-en-ьс-ь, xval-i-рьд-el-ъ, хьb-a, ву-хьb-ov-ač-ъ, ву-хьb-al-ьк-ъ, хьb-il-ъ;

слц.

‘ленивый человек’: l̥//n-ъ, l̥n//-ь=ух-ъ, l̥n-ь=ox-ъ, gni-l-ox-ъ, gni-l-ь=ak-ъ, gni-l-ъ, gni-l-ь=ош-ъ, da-r-ьM-ak-ъ, da-r-ьM-ьn-ik-ъ, da-r-ьM-ьn-ъ, rod-ыл-ь=ar-ъ, rod-ыл-ь=ak-ъ, (lajd)-ak-ъ, lež-an-ъ;

‘хвастун’: sam-o-xval-ъ, xval-ьn-ъ, xval-ьс-ь, xval-en-ьк-ар-ъ, xvast-uN-ъ, xvast-oš-ъ, xvast-ak-ъ, xval-en-ьк-a, xval-ьк-oš-ъ, ву-xval-ь=ov-ьс-ь;

плс.

‘женщина, которая любит сплетничать’: съ-plet-ьn-ic-a, plet-ьK-ar-a, plet-ьк-ар-ьK-a, plet-ух-ъ, plet-ух-a, plet-uš-ьn-ic-a, plet-ьк-a, plet-ьк-a, kleV-et-ьn-ic-a, baj-ьC-ar-a, baj-ьс-Ar-ьк-a, [klek]-ot-ix-a, [klek]-ot-ьк-a, baj-ьd-a, baj-ьd-us-ъ, baj-ьD-ug-a, p̥rd-us-ьn-ic-a, p̥rd-ol-ь=ух-a, p̥rd-ol-ьк-a, [klet]-ьк-ev-ьn-ic-a, [klet]-ьn-ic-a, [klet]-ь=or-a, [kljax]-ul-j-a, [kljak]-ot-a, [kljak]-ot-ь=or-a, [kljak]-ьr-ьn-ic-a, [kljar]-a, [kljar]-ic-a, [kljar]-ьč-ух-a, [kljar]-i-dup-a, [kljat]-ьк-ар-ьк-a, (pludr)-a (из нем. диал. *pludern* ‘болтать, беседовать’), (šejd)-ar-a (от нем. *scheiden* ‘разграничивать’), (šejd)-ьк-a (от нем. *scheiden* ‘разграничивать’), (maxlar)-ьк-a (от нем. *Makler* ‘посредник, перекупщик’);

‘ленивый человек’: l̥//n-ъ, l̥n-ьт-ь=aj-ъ, l̥n-ьт-ь=ан-ъ, l̥n//-ь=ух-ъ, l̥n-ь=ox-ъ, l̥n-iv-ъ, l̥n-iv-ьс-ь, Gul-ьт-aj-ъ, gni-l-ь=ox-ъ, съ-gni-l-ь=ox-ъ, gni-l-j-a, съ-gni-l-j-a, съ-gni-l-ь, gni-l-ěj-ъ, съ-gni-l-ь=ух-ъ, съ-gni-k-ъ, съ-gni-l-ьс-ь, съ-gni-l-ь=us-ъ, pozd-ьn-ь=ak-ъ, (nygus)-ъ, l̥g-(at)-ъ, gnoj-ьк-ъ, gnoj-ъ, gnoj-ar-ъ, ne-ьr-ig-a, val-ьк-ov-at-ъ, d̥rv-al-ъ, съ-мук-ъ, gyb-as-ъ;

‘глупый человек’: gLup-*B*, glup-*B*, glup-ык-ъ, glup-ыс-ъ, glup-ак-ъ, glup-ы=ак-ъ, glup-ыт-ак-ъ, glup-ыт-ас-ъ, glup-ыт-ас-ъ, glup-ov-at-*B*, glup-ык-ov-at-*B*, glup-иш-ъ, dur-ын-*B*, dur-ын-ъ, dur-ак-ъ, pri-glup-*B*, pri-glup-ык-ъ, glup-ык-а, polъ-glup-ык-ъ, glup-ěl-ыс-ъ, glup-ěl-ак-ъ, glup-al-ъ, glup-as-*B*, pri-glup-ыт-av-*B*, ne-orz-vi-n-et-*B*, nadъ-гъv-an-*B*, na-гъv-an-*B*, (varyjat)-ъ (от лат. *variātus*), (tuman)-ъ (из тур. *tuman* ‘туман’), (mišugen)-ъ (от идиш *meszugene*, *miszugene*);

блр.

‘лгун’: Lъg-un-ъ, lъg-aщ-ъ, Lъž-ын-ik-ъ, Vъr-un-ъ, man-ъ, man-ъ, man-ы=uk-a, //oB-man-ыщ-ik-ъ, man-il-a, бълт-un-ъ, мқт-ы=-un-ъ, bala-mқt-a, bala-mқt-ъ, xлus-ъ, съ-vod-aj-aщ-ъ, [brex]-un-ъ, [brex]-ы-о, [brex]-ы-iv-*B*, (maxlar)-ъ, man-ы-tel-ъ, man-ы=k-ut-ъ, мқт-ы=-aщ-ъ, мқт-ы=-ar-ъ, мқт-ěl-ъ, [brex]-ы-iv-ыс-ъ, mot-ъ, kрqt-ěl-ъ, ne-vъ-gad-ын-ik-ъ, (falš)-iv-*B* от нем. *falsch* ‘фальшивый, искусственный’;

‘ленивый человек’: lēn-ыт-ы=-aj-ъ, lēn//ы=-ух-ъ, lēn-iv-*B*, lēn-ы=uk-a, lēn-ык-a, lež-ын-ъ, lež-e-bok-ъ, lēg-un-ъ, Gul-ыт-aJ-ъ, ne-orb-a, (lajd)-ак-ъ, (lajd)-ак-a, za-val-ын-ъ, obi-bok-ъ;

‘охотно и хорошо работающий’ (о человеке): orb-ot-etj-*B*, orb-ot-j-*B*, orb-ot-eg-a, orb-ot-ын-ik-ъ, orb-ot-ын-ic-a, port-j-ov-it-*B*, trud-etj-*B*, trud-o-ljub-iv-*B*, trud-o-ljub-im-*B*, trud-ы=-aka, trud-ы-iv-*B*, star-a-t-ы-iv-*B*, ščir-*B*, port-j-ov-ын-ik-ъ, trud-j-an-*B*, orz-star-at-ы-iv-*B*, za-gar-ы-iv-*B*;

укр.

‘женщина, которая любит сплетничать’: plet-ын-ic-a, съ-plet-ын-ic-a, plet-ык-ар-ЪК-a, plet-ух-a, plet-ы=уш-ык-a, plet-ык-a, plet-ык-a, plet-ык-aщ-ык-a, plet-ык-aщ-ык-a, съ-plet-ын-ищ-ык-a, dur-o-plet-ык-a, plet-ык-av-*A*, klev-et-ух-a, kleV-et-ын-ic-a, Lop-a, Lop-ык-a, Lop-ot-a, Lopot-ух-a, съ-vod-ын-ic-a, съ-vod-ы-iv-*A*, //ezyk-at-*A*, //ezyč-ы-iv-*A*, //ezyk-ар-ык-a, [brex]-a, [brex]-ух-a, [brex]-aщ-ык-a, [brex]-un-ык-a, сът-о-[brex]-a, тrep-ы-о, тrep-ы-ы=ух-a, тrep-ух-a, per-nos-ык-a, xvost-o-mel-j-a, kolt-ух-a, му-j-ы-а, му-j-ык-a, ob-sod-ы-iv-*A*, [plesk]-aщ-ык-a, (pošt)-a (из нем. *Post* ‘почта’), (pošt)-ар-ык-a (из нем. *Post* ‘почта’);

‘ленивый человек’: lē//n-ъ, lēn-ыт-ы=-aj-ъ, lēn//ы=-ух-ъ, lēn-iv-*B*, lēn-iv-ыс-ъ, lēn-ыс-ъ, lēn-ыт-ы=-aj-ug-a, lež-ын-ъ, lež-aщ-isk-o, lež-ын-ы=-ух-a, lēg-un-ъ, lēg-aj-ъ, le-da-щъt-o, le-DA-t-j-ug-a, le-da-щъt-j-*B*, le-da-щъt-j-ic-a, Gul-ыт-aJ-ъ, gni-l-ы=-ак-ъ, gni-l-ык-ъ, gni-l-*B*, ne-orb-ъ, ne-orb-a, pust-*B*, (lodar)-ъ, (lodar)-isk-o, (lodar)-ух-a, (ledar)-ъ, (lajd)-ак-ъ, (lajd)-ак-a, val-ы=-ug-a, val-ы=-ак-a, ne-po-тerB-ын-*B*;

‘охотно и хорошо работающий’ (о человеке): orb-ot-etj-*B*, orb-ot-ын-*B*, orb-ot-j-*B*, orb-ot-eg-a, orb-ot-ын-ik-ъ, port-j-ov-it-*B*, trud-j-en-ын-ik-ъ, trud-etj-*B*,

trud-ęg-a, trud-ь=-aka, star-a-tel-ьн-Ъ, star-a-t-ъл-iv-Ъ, star-an-ьн-Ъ, КЪ-čem-ьн-Ъ, КЪ-čem-ьн-ь=-anЪ, ręd-ьн-Ъ, pro-vog-ьн-Ъ, ščir-Ъ, ǫrb-ь, ǫrb-ak-a, čit-av-Ъ, gar-ьнЪ, prija-zn-ъл-iv-Ъ, съ-prav-ьд-ъл-iv-Ъ, ljud-ь=-an-Ъ, gospod-ar-ь, (хоза)-j-ьск-Ъ (из чуваш. *хо́за*, *хи́за* ‘хозяин’);

рус.

‘глупый человек’: gLup-Ъ, glup-Ъ, glup-ьс-ь, glup-ak-ь, glup-ov-at-Ъ, glup-en-ьк-Ъ, glup-uš-ь, glup-ar-ь, dur-a, dur-ač-in-a, dur-an-ь, dur-ьн-Ъ, dur-ьн-ь, dur-ač-ьк-ь, dur-al-ěj-ь, dur-i-dl-o, dur-ьк-ov-at-Ъ, pri-dur-ьк-ь, dur-in-a, dur-išč-a, pol-o-dur-ьк-ь, bez-um-ьн-Ъ, ne-um-ьн-Ъ, mal-o-um-ьн-Ъ, pol-o-um-ьк-ь, slab-o-um-ьн-Ъ, съ-um-a-съ-šьd-ьš-ь, mal-o-ǫrz-um-ьн-Ъ, ne-ǫrz-vi-t-Ъ, ne-do-ǫrz-vi-t-Ъ, prost-Ъ, prost-en-ьк-Ъ, prost-o-(fil)-j-a, glum-ьн-Ъ, glum-ak-ь, dik-Ъ, dik-ar-ь, bez-tьk-ov-Ъ, bez-tьč-ь, тьk-uš-ьк-a, ne-pro-šьd-l-Ъ, slab-Ъ, худ-Ъ, nag-//l-ьн-Ъ, po-lub-ě-l-Ъ, šal-ьн-Ъ, bez-pqt-Ъ, bez-po-//ę-t-ьн-Ъ, bez-dar-ov-an-ьн-Ъ, тьм-ьн-Ъ, bqbal-a / by-v-al-a, [xlyst]-nq-t-Ъ, [tukm]-ak-ь, (idiot)-ь (из фр. *idiot* ‘идиот’), ne-(normal)-ьн-Ъ (от фр. *normal* ‘нормальный’), (čum)-ov-Ъ (от тур. *çuma* ‘чума’), (bald)-a (от тур. *balta* ‘топор’ или тюрк. *baldaq* ‘утолщение на конце дубинки’);

‘охотно и хорошо работающий’ (о человеке): ǫrb-ot-ętj-Ъ, ǫrB-Ot-ьн-Ъ, ǫrb-ot-j-Ъ, ǫrb-ot-ęg-a, ǫrb-ot-ъл-iv-Ъ, ǫrb-ot-ьн-ik-ь, ǫrb-ot-qtj-Ъ, ǫrb-ot-ьн-ь, ǫrb-ot-aj-ь, ǫrb-ot-ęž-ьн-ik-ь, ǫrb-ot-ь=-ug-a, trud-j-en-ьн-ik-ь, trud-j-en-ьн-ic-a, trud-ętj-Ъ, trud-o-ljub-iv-Ъ, trud-o-ljub-im-Ъ, trud-ьн-ik-ь, trud-ov-Ъ, trud-ъл-iv-Ъ, trud-ov-ik-ь, trud-im-Ъ, star-a-tel-ьн-Ъ, star-a-l-ьн-Ъ, star-a-tel-ь, dč-l-ьн-Ъ, dč-l-ov-Ъ, zaB-ot-ьн-Ъ, zab-ot-j-Ъ, za-vid-t-ьн-Ъ, za-vist-ьн-itj-Ъ, za-dor-ьн-Ъ, u-da-l-Ъ, sto-j-ętj-Ъ, čьst-ьн-Ъ, žęd-ьн-Ъ, bez-ot-ь-vět-ьн-Ъ, na-xod-ъл-iv-Ъ, dom-o-vod-ъл-iv-Ъ, [krop]ot-ъл-iv-Ъ;

‘лгун’: Lьg-un-ь, Lьž-un-ь, lьž-ьс-ь, Lьž-ьн-ik-ь, lьg-a, za-lьg-al-a, lьg-un-iš-a, lьg-un-ьj-a, Vьr-un-ь, vьr-al-ь, vьr-al-j-a, vьr-al-ь, vьr-al-a, vьr-al-o, vьr-uš-a, vьr-un-ьj-a, vьr-al-išč-e, vьr-ak-un-ь, vьr-al-in-a, vьr-al-ьj-a, vьr-an-ic-a, vьr-un-iš-ьк-a, man-ь, //oB-man-ьš-ik-ь, man-ь=-ox-ь, man-ь=-un-ь, man-ь=-un-ьj-a, XVast-un-ь, xvost-un-ь, бьlt-un-ь, бьlt-uš-ьк-a, бьlt-un-ьj-a, trep-ač-ь, trep-un-ь, trep-ъл-o, trep-ъл-uš-ьк-a, ba-xval-ь, bo-xval-ь, xval-ь=-un-ь, [brex]-ь, [brex]-un-ь, [brex]-ъл-o, [brex]-ъл-iv-Ъ, [brex]-ux-a, [brex]-un-ь=-ak-a, [brex]-un-ьj-a, [brex]-ьн-Ъ, [xlyst]-ь, za-[xlyst]-ь, plet-ьн-ь, plqt-ь, baz-l-a, сьr-al-ь, na-pras-ь//n-ik-ь, (jeld)-yg-a / jal-ьд-yg-a, (jębed)-ьн-ik-ь, (gazet)-a.

Совершенно очевидно, что в такой дистрибуции смыслов отражается стремление языка охарактеризовать поведение человека с точки зрения его отношения к моральным нормам общества. Разная глубина лексической и семантической разработанности этих смыслов говорит об их своеобразной моральной иерархии в сознании человека.

Мотивационные признаки, лежащие в основе субъектных имен, характеризующих человека как личность, свидетельствуют о том, что номинация

человека ведется, как правило, с позиций социальной нормы, тех регулятивных категорий, которыми определяются нормы человеческого общежития. Все признаки, атрибутирующие человека как личность, оказываются связанными с морально-нормативными предписаниями и запретами традиционной духовной культуры славян. Именно этим объясняется высокая лексическая плотность карт, посвященных названию человека глупого, ленивого, скупого или лгуна и сплетницы. Обращает на себя внимание тот факт, что «сгущение мысли» (А.А. Потемня) прослеживается в основном в негативных номинациях и только в восточнославянских диалектах и в хорватских оно отмечено в позитивно окрашенных лексемах (в частности, в названиях работающего человека).

Это говорит о том, что в диалектном лексиконе обвинительные мотивы явно преобладают над оправдательными. Объяснить это можно тем, что

истина о человеке неотделима от суда над ним. Суд же высвечивает в нем то, что подлежит осуждению... Лексическая семантика в высокой степени ориентирована на неординарные и аномальные явления и, прежде всего, на те из них, которые таят в себе опасность, требуя анализа и устранения. Норма обычно формулируется как отрицание аномалии... Не случайно почти все заповеди, устанавливающие нормы поведения, содержат отрицание (Арутюнова 1999: 6).

Поэтому в диалектном слове наблюдается явный перевес в сторону обвинительных мотивов.

В этих именах отражены глубинные установки традиционной культуры славян, т.е. сам материал этих карт является свидетельством нравственно ориентированного отношения человека традиционной культуры к миру.

Таким образом, карты *Общеславянского лингвистического атласа* наряду с диалектной дифференциацией иллюстрируют культурно-языковую дифференциацию славянских диалектов. Они позволяют выявить своеобразные участки «высокого языкового напряжения» славянских диалектов, поскольку механизм языкотворчества включается всегда избирательно, когда в субъектно-объектных отношениях присутствует элемент необходимости. Эта необходимость и дает возможность понять, что является важным для языкового сознания человека той или иной культуры. Если же принять во внимание устойчивость и повторяемость языковых актов как одну из форм проявления коллективного бессознательного культурной памяти, то можно выявить «сокрытые смыслы» и ценностные ориентации языка культуры, поскольку механизмы этой устойчивости мотивируются культурными механизмами (типом культуры, конкретными условиями общественной жизни), благодаря чему и происходит «вплетение» культурной семантики в языковую.

Материалы ОЛА, таким образом, являются яркой иллюстрацией одного из положений культурной антропологии, согласно которому «культура живет и развивается в “языковой оболочке”, влияя на ее характер и состояние» (Кармин 1997: 86), при этом каждая культура «говорит» на своем языке, словарный состав которого во многом определяется его культурной мотивацией, тем культурным содержанием, которое связано с осмыслением мира природы и общества. Задача исследователя поэтому заключается в том, чтобы «прислушаться» к ее языку, ибо, по мысли немецкого философа М. Хайдеггера, не люди говорят «языком», а язык «говорит людям».

Литература

- Арутюнова Н.Д., 1999, *Язык и мир человека*, Москва.
- Бенвенист Э., 1974, *Общая лингвистика*, Москва.
- Кармин А.С., 1997, *Основы культурологии. Мифология культуры*, Санкт-Петербург.
- OLA 8, 2003 = *Общеславянский лингвистический атлас*. Серия лексико-словообразовательная, т. 8: *Профессия и общественная жизнь; Ogólnosłowiański atlas językowy*. Seria leksykalno-słowotwórcza, t. 8: *Zawody i życie społeczne*, red. J. Basara, J. Siatkowski, Warszawa.
- OLA 9, 2009 = *Общеславянский лингвистический атлас*. Серия лексико-словообразовательная, вып. 9: *Человек; Ogólnosłowiański atlas językowy*, Seria leksykalno-słowotwórcza, t. 9: *Człowiek*, red J. Siatkowski, J. Waniakowa, Kraków.
- OLA 10, 2015 = *Общеславянский лингвистический атлас*. Серия лексико-словообразовательная, вып. 10: *Народные обычаи*, ред. Т.И. Вендина, Москва ; Санкт-Петербург.
- OLA 12, 2020 = *Общеславянский лингвистический атлас*. Серия лексико-словообразовательная, вып. 10: *Личные черты человека*, ред. Т.И. Вендина, Москва; Санкт-Петербург.
- Толстой Н.И., 1995, *Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике*, Москва.
- Толстая С.М., 2018, *На подступах к человеку, [в:] Образ человека в языке и культуре*, отв. ред. С.М. Толстая, Москва.
- Топоров В.Н., 1992, *Предисловие, [в:] Айрапетян В., Герменевтические подступы к русскому слову*, Москва.

References

- Arutiuniva N. D., 1999, *Iazyk i mir cheloveka*, Moskva.
- Benveniste E., 1974, *Obshchaia lingvistika*, Moskva.
- Karmin A.S., 1997, *Osnovy kul'turologii. Mifologiya kul'tury*, Sankt-Peterburg.

- OLA VIII, 2003 = *Obshchieslavianskiĭ lingvisticheskiĭ atlas*. Seria leksiko-slovoobrazovatel'naia, vyp. 8: *Professii i obshchestvennaia zhizn'*; *Ogólnosłowiański atlas językowy*. Seria leksykalno-słowotwórcza, t. 8: *Zawody i życie społeczne*, red. J. Basara, J. Siatkowski, A. Basara, Warszawa.
- OLA IX, 2009 = *Obshchieslavianskiĭ lingvisticheskiĭ atlas*. Seria leksiko-slovoobrazovatel'naia, vyp. 9: *Chelovek*; *Ogólnosłowiański atlas językowy*, Seria leksykalno-słowotwórcza, t. 9: *Człowiek*, red. J. Siatkowski, J. Waniakowa, Kraków.
- OLA X, 2015 = *Obshchieslavianskiĭ lingvisticheskiĭ atlas*. Seria leksiko-slovoobrazovatel'naia, vyp. 10: *Narodnye obychai*, ed. T.I. Vendina, Moskva ; Sankt-Petersburg.
- OLA XII, 2020 = *Obshchieslavianskiĭ lingvisticheskiĭ atlas*. Seria leksiko-slovoobrazovatel'naia, vyp. 10: *Lichnye cherty cheloveka*, ed. T.I. Vendina, Moskva ; Sankt-Petersburg.
- Tolstaia, S.M., 2018, *Na podstupakh k cheloveku*, [in:] *Obraz cheloveka v iazyke i kul'ture*, ed. S.M. Tolstaia, Moskva.
- Tolstoĭ N.I., 1995, *Iazyk i narodnaia kul'tura. Ocherki po slavianskoĭ mifologii i etnolingvistike*, Moskva.
- Toporov V.N., 1992, *Predislovie*, [in:] Aĭrapetian V., *Germanevticheskie podstupy k russkomu slovu*, Moskva.

Summary

Personal Characteristics in the Mirror of “Slavic Linguistic Atlas”

The article presents another volume “Slavic Linguistic Atlas”, “Personal Characteristics”. The majority of works on this topic have often been atomic – both in the reflection of some aspects and in terms of linguistic geography. In contrast to them the Atlas materials allow to expand its research and to come into cultural dialectology which aims at the reconstruction of the Slavic “living antiquity”. The author pays attention to the fact that the Atlas maps reflect lexical synonymy in various ways: some of them show unity in comprehension of these or those nominated features whereas others demonstrate the high grade of variability. As a result the semantic density of maps is different. Using the criteria of word number per meaning item, the author reveals the areas of “high language voltage” and proves that they have come from different cultural development of the concrete meanings in different Slavic dialects. The author thinks that the difference in map lexical density proves different cultural socialization of human being in different Slavic dialects which has led to their differentiation. Thus the maps of “Slavic Linguistic Atlas” along with dialect differentiation illustrate cultural differentiation of the Slavic dialects.

Keywords: “Slavic Linguistic Atlas (OLA)”, Slavic dialects, linguistic geography, linguistic anthropology.